

Михаил Венюков

Очерки Заилийского края и Причуйской страны

Михаил Иванович Венюков

Очерки Заилийского края и Причуйской страны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22492370

Аннотация

«Я переехал реку Или и вступил в жаркую долину ее левого берега, 1 мая 1859 года. Окрестности Алматов, или укрепления Верного, уже представляли в то время всюду засеянные поля; но на них самая свежая зелень только что пробивалась, составляя противоположность с густою, хотя невысокою травою лугов, уже пестревших цветами; абрикосовые деревья, местами разросшиеся в три и четыре года до высоты двух и трех сажень, – давали хорошую тень своими молодыми ветвями. На горах снежная линия держалась еще ниже 9-ти футов, но отклоны их ближе к подошвам уже были покрыты весенней растительностью...»

Содержание

I. Алматы	7
II. Киргизы в Верном. Султан Али	12
III. Поход. Большая орда	16
IV. Животное царство в степи	21
V. Переход чрез Алатау. Чу. Неудачная стычка	27
VI. Географические подробности о Чу и ее долине	31
VII. Несколько слов о землях по ту сторону Чу	38
VIII. Дикокаменная орда	44
IX. Быт кара-киргизов	53

Михаил Венюков
Очерки Заилийского края
и Причуйской страны

*Султан Большой орды Мамыр-хан Рустемов. Рис. А. По-
меранцева. 1851*

I. Алматы

Я переехал реку Или и вступил в жаркую долину ее левого берега, 1 мая 1859 года. Окрестности Алматов, или укрепления Верного, уже представляли в то время всюду засеянные поля; но на них самая свежая зелень только что пробивалась, составляя противоположность с густою, хотя невысокою травою лугов, уже пестревших цветами; абрикосовые деревья, местами разросшиеся в три и четыре года до высоты двух и трех сажень, – давали хорошую тень своими молодыми ветвями. На горах снежная линия держалась еще ниже 9-ти футов, но отклоны их ближе к подошвам уже были покрыты весенней растительностью.

Укрепление Верное устроено в 1854 году, когда положено было основание утверждению нашему в Заилийском крае, у подножий Алатау. Небольшая, но довольно живописная речка Алматинка, выбегая из гор и раздробляясь на многочисленные арыки, орошает эту военно-земледельческую колонию с пятью или шестью тысячами душ населения. Средоточие управления Большою ордою киргизов и военных средств наших в этом краю придает Верному довольно оживленный вид. К сожалению, несмотря на обилие страны камнем и, напротив, бедность ее в лесах, которые встречаются только по горам, Алматы построены исключительно из дерева. Новенькие, чистенькие домики смотрят пока приветливо, но,

без сомнения, скоро примут несколько мрачный вид. Тогда придется еще раз пожалеть об этом странном свойстве славянской расы предпочитать все скороспелое, хотя бы и недолговечное, прочному, но медленно воздвигаемому. Я не могу согласиться с мнением тех, которые говорят, что каменные или сырцовые постройки, которые очень удобны в сухом и теплом климате Верного, обходятся настолько дороже деревянных домов, что их не стоит и возводить. Скорее можно согласиться на недостаток капиталов в новом краю; но и эта вещь очень условная. Большинство алматинцев – и не только казаков, а и лиц всех сословий – занимается земледелием; эта промышленность там весьма выгодна, ибо казна берет все излишки хлеба без остатка и платит хорошие цены – от шести до девяти рублей серебром за четверть. Кроме того, часть хлеба и получаемого некоторыми казаками из заведенных уже пчельников меду имеет сбыт на вновь устроенной пивной и медоваренный завод. Наконец, торговля, как мануфактурными изделиями, так и сырыми продуктами, приносит здесь даже по сибирским понятиям хорошие барыши.

Алматы когда-нибудь, и, надобно полагать, скоро, могут сделаться немаловажным торговым местом для всей Средней Азии. Небольшая татарская слободка, с мечетью, которая теперь составляет южную часть поселения, обещает в будущем развиться в обширный коммерческий город. Положение Алматов на половине пути из Кульджи в Коканское ханство и из Кашгара в Семипалатинск позволяет надеять-

ся, что многие капиталисты трех соседних государств охотно перенесут свою деятельность и средства в это средоточие торговых дорог. Тогда степи Большой орды оживятся, произведениям киргизского хозяйства будет обширный сбыт, и сами киргизы сделают важнейший шаг к цивилизации, перейдя от быта кочевого хищника к жизни мирного пастуха, а отчасти и земледельца. Впрочем, и теперь с каждым годом коммерческое значение Верного возрастает; это видно из того, что караваны, которые еще в 1856 году проходили обыкновенно не останавливаясь, теперь постоянно разгружаются здесь для торговли, хотя еще большею частию местной. Обширные закупки скота делаются ежегодно в окрестностях не только для Кульджи и Ташкента, но и для Петропавловска, до которого с лишком тысяча двести верст. Построенные здесь лавки, в числе более двадцати, все уже заняты, и кроме их торговля производится во многих домах.

Земледельческие условия алматинских станиц очень благоприятны. Высота их над морем около 2500 футов; средняя влажность весеннего воздуха в после полудня 0,52. Эта цифра ясно показывает, что иссушающее влияние степей не вредит стороне подгорной и уравнивается здесь близостью вечного снега. Для сравнения стоит вспомнить, что и в Средней Германии, недалеко от моря, влажность воздуха между 3 и 4 часами пополудни, в мае месяце, бывает 0,53. Но, конечно, это обилие паров в атмосфере, столь благодетельное для земледелия, встречается лишь в узкой полосе, со-

седней горам, и с удалением от них быстро уменьшается, так что к началу июня травы на местах неорошенных выгорают совсем. Широта Верного почти одинакова ($43^{\circ}16'$) с широтой Марсели, где средняя годовая температура $11^{\circ}3' R$ и где зреют оливки, померанцы и персики. Но влияние континентального климата определяет резкое различие между ними, и если жаркое лето позволяет с успехом разводить в Алматах виноград [не для вина, впрочем, как то не без основания было замечено уже в «Вест. Георг. об.» г. Голубевым], абрикосы, груши и превосходные дыни, то растения, требующие умеренной зимы, неспособны к водворению здесь. Крайности температур простираются в течение года до $47^{\circ} R$, так что летом бывают жары в 29° , а зимою мороз в -18° по Реомюру.

После утомительной поездки по степи можно с удовольствием отдохнуть в Алматах не только физически, но и нравственно. Образованный кружок, почти исключительно офицерский, много читает; при штабе квартирующего здесь батальона основалась уже небольшая библиотека и получается немало журналов. Зато женского общества, к сожалению, почти нет. Между казаками грамотность распространяется из двух станичных школ, которые шутя названы университетами. В татарской слободе учат детей муллы и некоторые грамотные татары. При дороговизне учебных пособий и недостатке преподавателей это уже большие шаги. С основанием публичного сада, которым заведует ученый садовник из

Крыма, несколько мальчиков поступили к нему для обучения садоводству.

II. Киргизы в Верном. Султан Али

Нечего и говорить, что Верное, как столица Большой киргизской орды, представляло для меня много занимательного на первое время. Гостеприимный характер алматинцев облегчал знакомство со всеми особенностями местного быта. Осмотреться и привыкнуть к новой обстановке было легко. Меня особенно занимали киргизы, которые часто разъезжают по улицам Алматов с той же патриархальной безжеманностью, как и в степи. Верблюды, корова, длинношейей аргмак и небольшой степной иноходец одинаково часто попадают под этими пестрыми всадниками. Впрочем, истинный джигит, т. е. не совершенно бедный киргиз, никогда не покажется иначе как на коне. Быки и верблюды суть достояние пастухов и работников в поле, или эгиничей. Аргмаки, напротив, встречаются только у людей очень достаточных и почетных, да и ими употребляются не всегда. Даже почтенный султан Али, патриарх Большой орды, собравшись навещать Верное пред началом моей экспедиции 1859 г., приехал просто на бегунце, т. е. на резвой и крепкой лошадке обыкновенной породы. Само собою разумеется, что многие из его свиты имели и иноходцев, очень обыкновенных в степи и ценимых особенно за их способность к быстрому и спокойному бегу.

Султан Али есть глава самого большого отделения орды,

так называемых дулатовских киргизов. Старик этот много видел на своем веку и, быв подданным трех государств, научился применяться к обычаям людей так, что изворотливость его ума во многих случаях замечательна. Меня предупредили об его намерении сделать мне визит и объяснили, что это должно считать за особую честь, ибо почтенный потомок Аблай-хана не очень податлив на посещения, а иной раз его не дозовешься в Верное даже по служебным надобностям, хотя он и получает от казны 350 р. с. жалованья. Начальник округа сам принял на себя труд познакомить меня с Али, но у меня в квартире, чтоб поддержать в глазах киргизов достоинство офицера, присланного из Петербурга, т. е., по понятиям их, от самого Государя. Я старался по возможности понравиться старику и дать ему понять, что высоко ценю и старшинство его над всеми в орде, и честь, которую сделал он мне своим посещением. Али отвечал той же монетой с присоединением азиатских любезностей. «Я не сомневаюсь, султан, – говорил я ему, – что народ ваш счастлив, имея вас своим родоправителем. Слава о вас достигла до меня даже в Петербурге, и теперь я вижу, что она еще представила мне только половину ваших достоинств». – «Не говорите этого, – отвечал старик. – Я правлю народом лишь так, как велит падишах – да хранит его небо, – и пристав. Вы знаете, что дерево, пока не попало к столяру, есть просто чурбан, а в руках его становится так же полезным и красивым, как это кресло или вот этот стол. Мы с нашим народом

то же: пристав наш столяр, а мы дерево. Если б не он, по воле падишаха, мы бы и остались простыми чурбанами». – «Вы слишком скромны, султан. Можно ли так говорить тому, чей ум так же остр как бритва, хорошо отведенная на оселке, и воля, направленная к добру, столь же тверда, как сталь. Разумеется, все мы только исполняем волю государеву и каждый, находящийся в Верном, должен слушаться пристава; но ведь вы, султан, сами слишком большое лицо в орде. От вас зависит, будет ли народ привержен к государю и поставленным от него, или нет». – «Народ наш не может быть неприверженным к падишаху и к тем, кого он, в милости своей, поставляет над нами. Мы все здесь живем вместе как две руки: вы, русские, – правая, мы – левая, а пристав наша голова (и он сложил обе руки так, что пальцы одной приходились в промежутках пальцев другой). Худо было бы, если б левая рука не слушалась правой и обе не делали того, что им велит голова».

Али, как я сказал, был подданным трех государей. Еще в юности он ездил в Пекин представляться ко двору богдыхана Цзяцина; но об этом посещении от него нелегко услышать рассказ. После того долгое время весь его род был подвластен Кокану, хотя депутаты орды и присягнули уже России. Рассказывают, что когда однажды коканцы во что бы ни стало хотели прекратить и номинальную зависимость ордынцев от русских, между султанами и биями действительно составилась заговор, и уничтожение Капала должно было служить

целью восстания. На Али, кочевавшего тогда по Коксу, хотели возложить почин дела; но умный старик, взвешивая вероятность успеха, воздерживался. Это послужило поводом к упрекам и нареканиям. «Достопочтенные султаны и бии, – писал тогда Али к соплеменным родоначальникам, – змея, когда идет к норе, ползет тихо и извиваясь; только лишь у самого отверстия она выпрямляется, и тогда уже быстро стремится к цели». Умный ответ затянул дело, и оно потом само собою расстроилось.

III. Поход. Большая орда

12 мая 1859 г. экспедиционный отряд двинулся из Верного на запад и на другой день перешел за реку Каскелен, которая довольно многоводна, имеет на берегах своих, у дороги, прекрасные луга и места для пашен, а при вершине перевал через хребет в долину Кебина. Каскеленское ущелье представляет границу лесов на запад от Верного; далее, к Ит-Кичу, мы не встречали ни одного дерева, за исключением барбариса, шиповника и некоторых других кустарников. Вообще можно заметить, что в горах Средней Азии леса по их отклонам встречаются только там, где на вершинах есть вечный снег, питающий влагою почву. Без этого условия степная атмосфера сушит молодые деревья, как только они начнут распускаться. Этой же сухостью объясняется то, что южные скаты гор вовсе не имеют леса. В знойной долине Чу, близ устьев Каракунуса, мы встретили только небольшое число деревьев у самого русла речки; но зато можно прибавить, что это были шелковичные и персиковые деревья.

Между Каскеленом и Кастеком, по мере удаления нашего от Верного, к нам начали присоединяться киргизы, вызвавшиеся сопровождать отряд охотниками, в надежде на получение наград. Между этими батырями было несколько почетнейших лиц в орде, цвет мужества или знатности породы. В этих людях не без удовольствия можно было заметить

некоторые следы цивилизации, которыми они обязаны исключительно русским. Так, некоторые султаны и бии выражали мне желание отдать своих детей в кадетский корпус и даже громко досадовали на своих родственников и жен, которые противились этому намерению, боясь, что дети среди русских утратят свою религию и любовь к родному образу жизни. Другие киргизы сами более или менее образовались и приобрели некоторые европейские привычки; но, впрочем, должно заметить, что результатами их сближения с нами часто является и развитие порочных наклонностей: так, многие очень неумеренно пьют водку.

Вообще, Большая орда имеет более, чем другие, залогов к преуспеянию, как по удобнейшим географическим условиям своей степи, так и потому, что на устройство ее обращено особое внимание правительства. В числе истинно благодетельных мер к поддержанию правильного ее развития принадлежит оставление неприкосновенным собственного внутреннего управления и суда биев. Хотя, разумеется, старшие султаны, правители главных родов орды, во всех важнейших своих действиях руководятся приказаниями нашего пристава, но все же за ними оставлено большое право решать почти все дела, возникающие в народе. Суд биев, т. е. почетных старшин, также благодетелен для страны, еще совершенно азиатской по характеру; он скор, благодаря словесному судопроизводству, и основывает свои решения на обычаях народа. Одна его невыгода, что судье платит

обыкновенно и правый, и виноватый. Из этих приношений у влиятельнейших султанов и биев составляются немаловажные богатства [*Наиболее богатые в орде лица суть: буднаевский бий Байсирке, некогда пользовавшийся особым значением и уважением коканцев, атбановский Малай, султаны Али, Иралы и Тезек и пр.*]. Старшие султаны, кроме того, ежегодно получают по одному барану с аула: этими баранами они продовольствуют всех, кто приходит к ним для разбирательства дел; ибо таков обычай народа, что судья должен накормить и приютить тех, которые вверяют ему решение своих дел и защиту своих интересов. Суду старших султанов обыкновенно подлежат дела большей важности, чем местных биев; но в самых важных случаях решается все общим собранием последних наравне с султанами. Это особенно относится к большим барантам и убийствам.

В известном и достойном уважения по своей точности труде А. И. Левшина о Киргизских степях находится очень немного сведений о Большой орде, которая в двадцатых годах нашего века была очень малодоступна. Вот почему стоит хоть вкратце упомянуть о ее составе. В наших пределах кочуют три главные ее отделения: джалаиры, атбаны с суванами и дулаты различных подразделений, часть которых переходит за Чу, к Таласу и горам Боролдайским. Эти последние сливаются уже с уйсунами, или юсуновцами. Самое многочисленное [Мы имеем следующие сведения о составе главных подразделений дулатов. Отделение сейкым имеет до 795

аулов, отделение джаньыс (роды джайлымыс, балс, кыбрай, кашкарау и др.) 1090 аулов; бутпай (роды чогай, кудайгул, исенбай и пр.) 785 аулов, чемыр 1770 аулов, сары-усюн 300 аулов, исты 300. Последние кочуют на острове Комау и по низовьям Или.] колена есть дулаты. Они занимают всю страну на северо-востоке от Чу и хребта Алатау до южного конца Балхаша, прохода Алтын-Имель, и на востоке до речки Тюргеня. Восточнее, по Чилику, Чарыну и на правом берегу Или, до Коксу, кочуют атбаны, отчасти переходя и в китайские пределы, где за пользование пастбищами уплачивают дань. На крайнем севере Большой орды, по реке Караталу и его мелким притокам, рассеяны джалаиры, самое сгруппированное из трех отделений орды, которого численность можно определить в 25 000 душ. Атбаны с суванами многочисленнее их и составляют не более 20 000 душ; но, впрочем, оба эти определения очень приблизительны, ибо сосчитать киргизов трудно, особенно в Большой орде, где они податями не обложены. Помещаемые здесь цифры основаны на показаниях нескольких биев о числе аулов и юрт. Придерживаясь тому же способу исчисления, можно сказать, что дулатов с юсуновцами находится по крайней мере до 70 000 душ. Таким образом, все население Большой орды будет простирается до 115 000 душ, и эта цифра лишь немногим будет отступать от помещенной академиком Кеппенем в его «Девятой ревизии».

Летом киргизы везде, где только есть горы, уходят на них.

Так было и тогда, когда двинулся наш отряд от Верного. Многочисленные аулы разных дулатовских родов были рассеяны по предгорьям Алатау и по некоторым речкам, вдоль которых хорошие травы растут и вдали от гор. Надо заметить, что степь в мае представляет очень обильные корма вообще; но киргизы вынуждены бывают уходить в горы от огромного числа мух на низменности. Этих мух, в самом деле, очень много и они сильно беспокоят скот, доводя его до изнурения. Только в июле киргизы решаются спускаться в равнину, но и то лишь с самою малою частью стад, оставляя главнейшую на горах почти до начала осени и угоняя животных под самую снежную линию. В половине июля, когда я вернулся с реки Чу и делал восхождение на Талгар, мне встречались большие табуны прекрасно откормленных кобыл с жеребятами по крайней мере на высоте 9 000 фут. под уровнем моря, быть может, и выше. Одна невыгода этих горных кочевков состоит в том, что стада часто подвергаются нападениям барантачей из Дикокаменной орды, особенно от султы и сары-багишей.

IV. Животное царство в степи

От Алматов на запад горы Алатау постепенно становятся ниже, и у вершин Кастека едва ли поднимаются и до 7500 футов. Зато сейчас за этой речкой высится почти до 10 000 футов коническая, с округленной вершиной, гора Суок-Тюбе, т. е. Холодная сопка. Даже в июле по расщелинам в ее отклинах лежат снега. Любопытную особенность представляет ущелье или понижение в хребте на востоке от Суок-Тюбе: после самых тихих дней иногда вдруг к вечеру начинает из него дуть сильнейший ветер на север и продолжается часа два и больше. Если атмосфера не была спокойна прежде, то вечером ее движение усиливается, и направление с юга, из-за Суок-Тюбе, начинает преобладать. Можно думать, что холодный горный воздух в это время спускается вниз, тогда как сильно нагретый воздух равнин, лежащих к северу от хребта, поднимается кверху; но это объяснение требует проверки точными наблюдениями.

Чем населена степь по соседству снегового хребта, где так быстро сменяются климаты по мере восхождения на горы? Этот вопрос может очень занимать зоолога; но он не лишен интереса и для всякого посещающего степи Средней Азии. В открытых безлесных пространствах всякое проявление органической жизни обращает на себя невольно внимание путешественника. Вообще, число млекопитающих, кроме раз-

водимых для пользы человека, в степях невелико. Едва ли не главными являются волки, которые всегда следуют за стадами киргизов и иногда по ночам производят тревоги у пастухов и в аулах. Громкий лай собак в таких случаях разносится по окрестностям. После волков следуют лисицы и куницы, сурки, которых много по долинам горных речек; в горах и лесах, кроме того, медведи, сайги, маралы, архары, изредка тигры. В тех местах, где речки, сбегаящие с Алатау, расходятся в камышах, попадаются кабаны довольно многочисленными стадами. Киргизы иногда охотятся на них, для развлечения, устраивая облаву. Для казаков, выступающих в поход налегке, кабанья травля всегда есть праздник, потому что тогда они отъедаются до отвала за всю обычную бескормицу, над которой сами смеются, говоря, что их порционный скот ходит в камышах или плавает в Иссык-Куле и Чу. Зимой жители алматинских станиц ловят иногда дикобразов. На полях или около их часто попадаются землеройки и тушканчики: эти зверки, впрочем, не много вредят посевам.

Более многочисленны в степях Большой орды птицы, если не количеством особей, то числом пород. Чаше других встречаются тетерева и скворцы (*Sturnus roseus* Pall.), которые собираются в большие стада и бегают по степи или носятся в воздухе. В горах водятся орлы (беркуты), а на долинах фазаны, за которыми алматинцы охотятся, доставляя их даже в Омск. По каменным могилам киргизов живут красивые удода, которые свободно даются в руки и даже не слеза-

ют с седла, когда их посадишь туда на походе. Мне не случилось узнать, употребляют ли киргизы Большой орды беркутов для охоты; но известно, что среднеазиатцы вообще очень любят эту забаву.

Самые многочисленные животные степи – ящерицы, змеи и некоторые роды насекомых, как то: жуки, землекопы, фаланги, земные пауки (каракурты), сверчки и кобылки. Эти последние приносят немалый вред, поедая всю зелень прежде даже, чем солнечные лучи ее иссушат. Зато для человека преимущественно опасны ядовитые фаланги и каракурты. Здешняя фаланга есть довольно большой паук, часто до вершка ростом; живет в земле, где выкапывает себе норку. Особенно на сухом песчано-глинистом грунте можно опасаться встретить это вредное животное. Люди, которые принуждены спать прямо на земле, больше всего должны остерегаться ее укушения. Часто, когда человек спокойно расположился, даже осмотревшись вокруг, фаланга прибегает за несколько шагов и ходит по его телу. Малейшее движение, хотя бы даже бессознательное сокращение подкожных мышц, может в этом случае быть поводом к укушению, ибо насекомое тотчас старается схватить предмет, от которого видит опасность. По спокойному телу фаланги ползают, впрочем, без вреда, и этим пользуются, чтоб их бить. Собственно в момент укушения этого насекомого боль ничтожна, почти как от комара; зато последствия ужасны: ломота распространяется быстро по всему телу, жар делается

общим и изнурение сил совершается быстро. Одно средство помочь укушенному, и то если еще яд не разошелся по венам, — поставить банки на укушенное место; но это не всегда бывает возможно, потому что нелегко заметить, особенно на спавшем, где фаланга укусила. Из числа моих спутников более пятнадцати подвергались несчастью от фаланг и двое особенно страдали, получив укушения ночью, так что действия яда открыты были лишь через несколько времени. Один из укушенных отделался, впрочем, очень счастливо: поймав фалангу на теле, он немедленно пришел к доктору и просил поставить рожки. У него достало даже хладнокровия сначала надеть мундир и шашку и потом уже явиться в кружок начальников. Лечение его только в том и состояло, что ему выпущено было золотников 20 крови; на другой день мы видели его спокойно скачущим у орудий. Укушение каракуртов еще более опасно, чем самых фаланг и даже скорпионов и тарантулов. Во всех этих случаях не без пользы употребляется внутрь аммиак.

Змеи и ящерицы оживляют степь там, где есть поблизости камыши и вода, тогда как ядовитые насекомые преимущественно водятся на совершенно сухих местах. Часто я видал змей, до половины высунувшихся из норы и в этом положении гревшихся на солнце. Киргизы с ожесточением преследуют их, справедливо опасаясь укушения ими скота. Должно заметить, что если на северном склоне Алатау встречаются довольно часто змеи, то на южной покатости кряжа и

особенно в долине Чу находится настоящее царство фаланг. С песчаных берегов Или они переходят по сухой степи на запад от Кастека к Курдаю и Дала-Кайлару, а оттуда распространяются как на запад по голодной степи Бетпак-Дала, так и на восток до Кебина. В горах, где благодаря большей влажности воздуха трава не выгорает от солнца, да и в долинах, где тоже условие соблюдается вследствие орошения, фаланг нет; поэтому и останавливаться на ночлеги надобно предпочтительно на этих местах.

Дикокаменной орды манап Байназар Турумтаев. Рис. А. Померанцева. 1851

V. Переход чрез Алатау. Чу. Неудачная стычка

От Кастека, где мы стояли с неделю, идет несколько дорог к Чу, чрез Алатавские горы. Первый, самый неудобный проход есть Суок-Тюбе, он ведет диким скалистым ущельем вверх по речке Кастеку, потом раздвояется. Одна дорожка идет на ручей Карабулак, а другая на Каракунус. Этим путем ходят караваны, когда за прибылью воды в Чу им бывает нужно переправляться через нее выше Токмака. Другой путь, более удобный, ведет по ручью Биш-Майнаку, через верховья ручья Джаманты, и потом тоже выходит на Каракунус против Токмака: эту дорогу мы избрали для наших движений. Быстро взошел отряд по крутому восемнадцативерстному подъему на вершину гор и 26 мая перевалил через хребет, оставив ниже себя во многих местах не тронутые еще солнцем снега. Я измерил при этом высоту горы при истоке Джамантов и нашел, что она достигает 7450 ф. над морем. Вид отсюда величественно прекрасен и надолго остается в памяти. Непрерывный, зубчатым валом тянущийся хребет Киргизнын-Алатау стоит на первом плане. За восточным его концом, в большей отдаленности, не менее как в полутораста верстах, изумительно ясно виднеются вершины Небесных гор, соседние Иссык-Кулю. Внизу, под ногами

зрителя, лежит долина Чу и вьется пенящаяся полоса самой реки, одетая зеленью камышей. Крепостца Токмак [Это было в 1859 г. Теперь Токмак не существует.] кажется небольшим домиком или хутором в междугорной степи. Сквозь синеву атмосферы еще и на крайнем западном горизонте просвечивают снеговые пики Киргизнын-Алатау; долина Чу видимо расширяется к западу.

Когда через 47 верст похода в горах, совершенного по узкой тропинке, мы наконец спустились в эту долину, нас встретила местность до крайности грустная. Вся трава по низменности уже выгорела, и надобно было скот отогнать в ущелья, чтоб дать ему поправиться от утомительных переходов. Нигде по сторонам не видно было аулов и стад, и только временами кое-где появлялись одинокие вооруженные всадники, наблюдавшие за нашим отрядом. Я старался осмотреться в новом краю, куда до меня проникали немногие европейцы, и скоро узнал, что мы стоим близь места, где был убит известный в летописях степей Кенисара Касимов. Этот мятежник долго волновал наших киргизов в сороковых годах текущего столетия и кончил свою жизнь тем, что сложил на берегах Чу, близ устья Каракунуса, свою голову, которая была возима в Копал и Ташкент. Загнанный русскими отрядами на крайний юг степи, он встретил здесь новых противников – кара-киргизов, и ими был погублен окончательно. Своим коварным поведением и беспрерывными хищничествами Кенисара до того успел ожесточить всех своих про-

тивников, что дикокаменные с живого его содрали кожу, а тело потом сварили в котле. – Правительство наше изъявило свою признательность главному виновнику истребления мятежника, манапу Урману, возведением его в чин подполковника, а других участников в битве у Кеклик-Сенгира наградило двенадцатью золотыми медалями. Вскоре по смерти Кенисары, в 1847 г., посетил Алатауский край топограф Нифантьев и составил первую его карту. Это было начало знакомства нашего с местностями, прилегающими к Небесным горам и Кокану.

Для нас стоянка у Каракунуса была не совсем удачна. Находившиеся при отряде киргизы, узнав, что толпа дикокаменных, побывав в их аулах, возвращается назад и будет переправляться чрез Чу у Кеклик-Сенгира, захотели во что бы ни стало пощипать хищников. По малочисленности ордынцев сравнительно с дикокаменными, которых было до 500 человек, можно было заранее предсказать неудачу, и потому пришлось подкрепить мстителей полсотней казаков. Но азиатское нетерпение испортило дело прежде, чем казаки успели прибыть к месту стычки. Один султан, один батырь и три джигита попались в плен. Кроме их, одному из киргиз прокололи насквозь грудь, так что пика, войдя в спину, прошла чрез легкие и переломила одно из передних ребер, которое торчало вперед. Удивительно, что этот киргиз не только остался жив, но через двое суток уехал к себе в аул, верст за восемьдесят, и меньше чем через месяц снова разъезжал

преспокойно, как ни в чем не бывало. Происходит ли эта способность переносить раны от умеренности азиатцев в пище во время похода, или таково свойство турецких племен вообще, или, наконец, приемы степной хирургии так хороши, что скоро залечивают раны, — я не умею сказать.

VI. Географические подробности о Чу и ее долине

Так как новое наше укрепление Кастек лежит под $43^{\circ}8'$ широты, а устье Большого Кебина в Чу под $42^{\circ}41'$, то выходит, что ширина Алатау в меридиане этого форта простирается до 45 верст. Южный скат этого кряжа обрывист, скуден растительностью и не представляет никаких удобств даженомадам; северный богаче травами и обильнее орошен водою. Оба они ниспадают в равнины, очень возвышенные над морем. Если можно доверять кратковременным наблюдениям над барометром, то высота Кастека есть 3200 ф., а высота русла Чу около Старого Токмака около 3600 ф. Принимая в соображение низкий уровень степей Сырдарьинских около Телекуль-Тата, Саумал-Куля, Бабыстын-Куля и других озер, мы легко объясним себе быстроту течения, которая заменяется в Чу. Эта мутная река, бегущая по горизонтальной на глаз равнине, в самом деле орошает очень покатую степь. Зелень камышей предохраняет отчасти берега от размывания их столь быстрым потоком; но зато вода его скорее подходит на жидкую грязь, чем на речные струи. Едва успеешь дать постоять стакану десять минут, как на дне его образуется около полудюйма осадка, и сквозь отстоявшуюся таким образом воду все еще не видать предметов, как сквозь мато-

вое стекло или через раствор сиенны.

Чу выходит из Небесных гор под именем Кошкара и стремится сначала на северо-восток к озеру Иссык-Кулю. Высокую, местами превращающуюся в ущелье долину ее в этих местах я посетил в 1860 году. После прорыва через скалистый кряж Кизыл-Омпол, Кошкар вдруг выходит на равнину соседнего озера, протекает от него всего в трех верстах и, отделив на восток небольшой рукав Кутемалды, всюю массою вод снова уходит в горы. Дикое ущелье, которым она пробегает тут, носит название Боам. Чтобы судить о быстроте вод в этих местах, достаточно сказать, что от Иссык-Куля до Старого Токмака, на семидесяти верстах, она падает около 1600 ф., т. е. больше, чем Волга на всем протяжении 3100 верст, от истоков до Астрахани. Волны с шумом дробятся о камни в русле и прибрежные скалы, часто обращаясь в пену. Даже в 30 верстах от выхода из гор скорость течения их не менее 10 фут. в секунду, тогда как, напр., Нева в Петербурге имеет всего три фута. Нужно ли говорить, что огромная сила падающего потока пропадает бесплодно в окрестной пустыне, не принося пользы человеку и разрушая лишь соседние скалы.

Начавшаяся у устьев Кебина и Джель-Арыка долина Чу быстро расширяется к западу. Уже около Пишпека она не менее 17 верст от севера к югу; дальше к Ит-Кичу это расстояние между горами правого и левого берега все более возрастает. Не много стран на земном шаре, где бы сухость воздуха достигала таких крайних пределов, как здесь. 29 мая в чет-

вертом часу пополудни я наблюдал психрометрическую разность температур в 15° R, при теплоте смоченного шарика $+16^{\circ}$, 1: это дает влажность воздуха едва в 0,12 той, при которой атмосфера насыщается водяными парами. Цифра, здесь приведенная, есть наименьшая из всех, доселе полученных в разных странах земного шара. Гумбольдт, Эренберг и Розе наблюдали сухость атмосферы в Прииртышских степях и получили все-таки 0,16; даже Хорасанская экспедиция в 1858 году не нашла в Северной Персии менее 0,14. Последствием этой сухости является грустное однообразие и бедность растительного царства в долине Чу, а с ними и малая удобность ее к заселению. Могущество природы представляется нам здесь в самой резкой противоположности с бессилием человека, и положительно можно сказать, что пока Каспийское море не соединено с Черным, пока воды его не подняты на один уровень с океаном, а поверхность не расширена до того, чтобы закрыть часть степей Приволжских, Туркменских и Оренбургских, до тех пор большая часть Средней Азии не способна к такому же историческому развитию, как Европа.

Чем шире становится долина реки Чу, тем больше начинает она походить на пустыню. Только по южному краю равнины, у подошвы горы Киргизнын-Алатау тянется полоса хорошо орошенная и потому имеющая траву и даже рощи абрикосовых и других деревьев. На северном берегу Чу текущие воды прекращаются речкой Дала-Кайнаром, и далее к

западу расстилается уже Голодная степь. Любопытно, что эта страна, несмотря на ее печальный, негостеприимный характер, посещена была и описана гораздо раньше, чем, напр., Заилийский край. Мы находим о ней сведения еще у Поспелова, Бурнашева, Телятникова и Потанина. Последний говорит, между прочим: «Река Чу, или Чуй, (в нижней части) имеет течение быстрое, в весеннее время разливается от 250 сажен до 8 верст, что бывает обыкновенно во второй половине апреля. Осенью, в октябре, полная вода опять повторяется, но к концу ноября река уже успевает совершенно сбить и замерзает до марта. В жаркое время течение в ней местами прекращается, так что остается лишь ряд омутов. Переходы вброд тогда многочисленны, и по временам русло бывает не шире трех сажен и не глубже аршина. Островов на реке множество, и часто она сплошь заросла камышом, который, таким образом, составляет то, что называется крепями, т. е. сплошными, непроходимыми массами высокой травы, наподобие рощ». Эти сведения пополнены в 1852 году, когда сибирское начальство послало на Чу подполковника Шульца, чтоб ознакомиться с окрестной страной в военном и хозяйственном отношениях. В обыкновенное время, говорит этот офицер, глубина воды в Чу на пространстве от могилы Тляу озера Саумал-Куль бывает не менее трех четвертей аршина; в весеннее половодье уровень возвышается сажени на полторы, причем все низменные прибрежья затопляются. Тогда караваны, не имея возможности переходить

реку вброд, устраивают паромы из камышей, перевязанных арканами, и на этих плотах перевозят товары, а скот перегоняют вплавь. С убылью воды открывается много бродов; из них известнейшие: Казанган, Тасты, Той-Тюбе, Биш-Курган и Кара-Уткуль. Река довольно богата рыбою, которой особенно много в прибрежном озере Бегер-Куль. Вредных насекомых в равнине Нижнего Чу, по-видимому, меньше, чем на верховьях. По крайней мере, отряд 1852 г. встретил одну фалангу во все время своих движений. Зато комары и мошки составляют истинный бич для людей и скота. Эти насекомые, без сомнения, особенно многочисленны от обилия камышей, которыми, надобно заметить, одето все побережье Чу, по обеим сторонам, от самого Токмака. Иногда эти камыши столь высоки, что достигают трех сажен. Тут настоящее царство кабанов и даже тигров.

Вообще, тигр известен во всей Средней Азии по степным местам, преимущественно, впрочем, в приречных камышах и рощах. В Заилийском крае он попадает в горах. Даже около Верного бьют тигров, и мне удалось кожу молодого экземпляра привести оттуда в Омск. В 1860 году, когда я ездил смотреть водопад на Иссыке, в горной долине этой реки появился тигр, внушавший моим спутникам, казакам, большие опасения за их лошадей, которых мы должны были оставить у подножия водопада. Впрочем, кажется, что этих свирепых животных за Илей все-таки меньше, чем на реке Сырдарье, около форта Перовский. Вглубь степи, на север, тигр распро-

страняется до Копала, т. е. до 45° широты, и даже далее; но то бывают, по-видимому, отсталые особи. На востоке Азии, в Манчжурии, большие кошки встречаются гораздо севернее, до 49-й и даже 50-й параллелей. При обилии пищи в тамошних лесах они и рослее.

Скажем, наконец, в заключение этих географических замечаний о Причуйской стране, несколько слов и о Голодной степи. Они пояснят нам, почему все знание этих мест по необходимости должно ограничиваться сухим исчислением местных предметов, не касаясь людей, которые заходят сюда лишь случайно. Бетпак-Дала, говорят Пospelов и Бурнашев, покрыта только терновником и отчасти полынью; по неимению воды она не заселяется; проходящие чрез нее встречают только немногие колодцы, и притом часто с дурною водою. Весной караваны еще довольствуются водою, остающеюся от таяния снегов; летом же иногда приходится на ночлегах копать колодцы, и тогда достигаешь подпочвенной воды, не глубже, впрочем, двух сажен. Вся ширина степи от севера к югу, по дороге из Семипалатинска в Ташкент, достигает 180 верст. В части, ближайшей к югу, или собственно в ее низменной долине, встречаются многочисленные солончаки, которые распускаются после таяния снегов, но совершенно высыхают в жары. Тонкая, едкая пыль с их поверхности свободно переносится и тогда ветром, который здесь особенно часто и сильно дует с востока, т. е. со стороны Балхаша. На юге от Чу наружный вид степи изменяется: солонцы

и полуобнаженные глинистые пространства сменяются сыпучими песками, по которым изредка растет саксаул, джугун, джеральчик и терескен. Ни одного колодца нет в этой песчаной пустыне на переезде в целые 50 верст от берегов Чу до озера Кара-Куль. Караваны должны бывають запастись водой на ночлегах и вести ее в кожаных бурдюках, подобно тому, как это делается в Нубии, Аравии и Сахаре.

VII. Несколько слов о землях по ту сторону Чу

Большая впадина, занятая Иссык-Кулем и долиной Чу, ограничивает с севера горную страну дикокаменных киргизов и Коканского ханства. Об Иссык-Куле в последнее время немало было говорено и писано; небольшая заметка о нем помещена и мною в «Географическом вестнике» прошлого года. Но земле дикокаменных киргизов менее посчастливилось. Хотя мы и можем ожидать богатых и разнообразных сведений об этих местах от г. Валиханова, которому личное пребывание в стране на юг от Теплого моря и знание киргизского языка дают средство исполнить такой труд с особенным совершенством, но как эти добытые им данные еще не вполне обнародованы, то может быть не лишним будет сообщить здесь то, что мне удалось собрать в 1850–1860 годах. Меня особенно занимало пространство на юг от Чу, где по дороге от Токмака к форту Перовский находится целый ряд коканских укрепленных селений и городков. Самую западную часть этой страны занимает хребет Каратау. Начиная в 120 верстах от Ак-Мечети, у мыса Кара-Мурун, он тянется на востоко-юго-восток, образуя зубчатую цепь, которой северный склон очень крут и обрывист, а южный, напротив, полог. У самой подошвы гор на северной стороне хреб-

та прижались два коканские форта, Сузак и Чолак-Курган, имеющие небольшие предместья. Через них лежат пути из Ташкента в Петропавловск и Троицк. Перевал через Каратавские горы, на этих путях в Туркестан и Ташкент, делается по трем горным проходам: Суундыку, Карагыру и Саускандыку. Первый из них есть самый удобный и находится на дороге между Сузаком и Туркестаном. Караваны, направляющиеся этим путем в Петропавловск, в трое суток достигают от подножия гор до реки Чу, в 40 или 50 верстах от устья ее в Сауман-Куль. Переход через песчаную степь в этом направлении гораздо удобнее, чем от Чолак-Кургана на Казанган-Уткуль. Местами встречаются целые леса саксаула; травы везде хороши и вода в колодцах пресная. Но на северном берегу реки Чу опять начинается Голодная степь, и путь через Уванас-Кудук так же тяжел, как и дорога на Тюс-Булак, другое урочище, известное в Бетпак-Дала на дороге с Казанган-Уткуля. Заметим, что Каратавские горы заняты в настоящее время потомками Кенисары и остатками его скопищ. Это злейшие хищники на всем пути от Ташкента до Сибирской линии. Шайки их иногда проникают на север, по Сарысу, до самой Улутавской станицы.

На восток от меридиана Чолок-Кургана прежде всего обращают внимание: масса поросших камышом озер Кара-Куль и горный хребет Боролдай. Эти местности были посещены, по-видимому, только одним европейцем, Миллером, в 1739 году. Из маршрута Потанина мне удалось пере-

нести на карту очерк озера Кара-Куль несколько отличный от обыкновенно даваемого ему. Что касается до Таласа, то эта река больше известна нам в средних частях своих, около Аулье-Ата, чем при низовьях. Из каталога астрономических пунктов, составленного по наблюдениям миссионеров-иезуитов, посланных Цяньлуном, мы узнаем, что на Таласе находится точка в широте $42^{\circ}30'$, долготе $91^{\circ}37'$ к вост. от Ферро; но есть ли это Аулье-Ата или другой пункт, трудно решить за недостатком новейших данных. Вообще, кажется, что иезуитские наблюдения широт еще хороши, но про долготы этого сказать невозможно. Думаю, что труды Региса, Буве, Жербильона, Фербиста и др. при Кханси в собственном Китае, в Маньчжурии и Монголии удовлетворительнее работ Галлерштейна, Ароши и Эспињи в Туркестане и Джунгарии. Для доказательства стоит, напр., взять две точки: устье Сунгари в Амур и Кульджу. Первая и по новым определениям осталась при тех же координатах, как показано у Дю Гальда, вторая отнесена на целые 25 верст к западу (с $99^{\circ}5'$ на $98^{\circ}43'$ к вост. от Ферро).

Прилагаемый маршрут показывает некоторые подробности пути между Чолак-Курганом и Аулье-Ата по северной стороне Боролдая. Из расспросов нельзя было с ясностию узнать, впадают ли начинающиеся из гор ручьи в Талас, или же теряются в песчаной степи. Кажется, что последнее вероятнее, так как вообще страна между Таласом и Боролдаем не заселена оседлыми жителями, что едва ли б случилось,

если б для водворения колоний встречались удобные местности. Самый Талас, подобно Чу, не имеет никаких угодий на своих берегах, и русло его, как и долина, большею частию поросли камышами. Река имеет довольно много воды только по выходе из гор, возле Аулие-Ата, хотя и тут переходима вброд; потом уже постепенно уменьшается в размерах и едва достигает озер Кара-Куль. Выше Аулие-Ата она течет по узкой долине и имеет истоки в соседстве с бассейном Кашкара, почти на меридиане Пишпека.

За Таласом лежит настоящая *terra incognita* до самой Ферганы. Я разумею только страну между параллелями Аулие-Ата и Намангана, не распространяясь вглубь нагорной части Средней Азии. Здесь совершается постепенное понижение и раздробление на ветви Небесных гор. Соображая некоторые расспросные сведения с показаниями немногих путешественников по юго-западной части Коканского ханства, можно кажется принять здесь две главные цепи: одну на северной стороне Чирчика, кончающегося горами Кызыкурт, севернее Ташкента, и другую, которая тянется на юге от Чирчика и имеет юго-западной оконечностью кряж Кендыртау. Мы знаем два пути, которые пересекают эти горы или касаются их предгорий: на восток от Аулие-Ата в Наманган, по маршруту, который показывает два труднопроходимые кряжа, и на западе дорогу из Туркестана в Кокан, которая касается Кызыкурта и пересекает потом Кендыртау. Из северной цепи, Кызыкурта, берут начало многочислен-

ные притоки Арыша, а Кендыртавские горы питают побочные реки Сыра. Подробности о них могут быть предметом особого самостоятельного исследования, для которого труды Клапрота (*Carte de l'Asie centrale*), Потанина, Назарова, Ханыкова, Вельяминова-Зернова, Шестакова (карта Коканского ханства 1859 г.) и Бардашева будут служить источниками. Здесь же заметим только, что долина Арыша составляет южнейший предел кочевков Большой киргизской орды, которой масса находится в Заилийском крае и на Чу.

*Дикокаменной орды бий Сартай (посольс. 1849 году). Рис.
А. Померанцева*

VIII. Дикокаменная орда

Оставим теперь чисто географическую или топографическую сторону дела. В каждом описании даже малоизвестной страны должны быть всегда даны только общие черты орографии и гидрографии ее, без обременения памяти излишним числом мелких фактов, которые могут найти место в приложениях. Эти общие черты тем плодотворнее, тем резче и напечатлеваются в уме человека, чем они малочисленнее, общее и проще. Конечно, многосторонность описания, его всеобъемлемость, так, чтобы изображаемая страна представлялась в полной картине своего физического устройства и производительности, – эта всеобъемлемость есть цель истинной географии; но она пока не может быть достигнута для стран, о которых здесь идет речь, ибо нет для них ни геологических наблюдений, ни исчисления богатств флоры и фауны. Можно, однако же, сказать, во всяком случае, что описание было бы совсем неудовлетворительно, если бы не коснулось человека в его племенном быту на рассматриваемой части земной поверхности. Выше было сделано несколько замечаний о Большой киргизской орде, ее разделении на роды и их числительности. Эта орда, впрочем, давно уже известна, и сведения о ней, хотя и неполные, находятся еще в сочинении А. И. Левшина. Гораздо беднее мы данными о кара-киргизах, иначе бурутах или дикокаменных киргизах. Первые

сколько-нибудь обстоятельные подробности о них приобретены наукою из китайских источников, разработанных Клапротом и отц. Иакинфом; потом рассеянные показания находятся у Вуда, Ханыкова и Вельяминова-Зернова. Наиболее же систематические сведения изложены в статье о дикокаменных киргизах, составленной гг. Ворониным и Нифантьевым и присланной в Географическое общество генерал-губернатором Западной Сибири в 1851 году. Просмотрев все эти источники, мы, однако же, легко убедимся, что этнография бурутов очень бедна.

Заслуживающему всяких похвал усердию г. Бардашева, переводчика при начальнике Алатовского округа, мы обязаны следующими ниже подробностями о Дикокаменной орде, и особенно о родах, ближайших к нам. Эти сведения по возможности были пополнены и исправлены мною в 1859–1860 годах, и, быть может, не чужды некоторого интереса, особливо ввиду общей скудости этнографии Средней Азии. Для русских они могут иметь еще ту особую занимательность, что настоящие наши движения на материке азиатском прежде всего приводят нас в соприкосновение с кара-киргизами.

Дикокаменными называли русские народ, который кочует в горах около Иссык-Куля и который сам себя зовет просто кыргыз, в отличие от казаков (койсаков), которых мы приняты называть киргизами. Племя это не имеет определенной истории и едва ли принадлежит к коренным туземцам стра-

ны, в которой прежде господствовали ногаи (калмыки?). Про одну часть их достоверно можно сказать, что она пришла в Тянь-Шаньские горы с верховьев Енисея, где еще в XVII веке вела борьбу с русскими; но вообще кара-киргизы производят свой род с запада, из областей, занятых и донныне тюркскими племенами. Действительно, язык их есть тюркский, уйгурского наречия, хотя и не чуждый посторонних примесей. Воображение народное окружило даже некоторыми поэтическими вымыслами колыбель своего племени в горах, соседних Нарыну и озеру Иссык-Кулю. Вот эта легенда, мало, впрочем, изящная и обличающая недостаток вкуса в своих составителях [эта легенда, с некоторыми вариантами, рассказана уже в III кн. «Записок» г. Голубевым].

Дочь какого-то хана имела обыкновение делать дальние прогулки в сопровождении сорока девиц. Однажды, возвращаясь домой, она нашла свой аул совершенно разграбленным, и одно только живое существо встретилось ей – красная собака (Кызыл-Тайган). От нее, по словам предания, забеременели все подруги, в память которых потомство и усвоило имя кыргыз (кырк-кыс – сорок девиц). Эта легенда пополняется и иногда заменяется рассказом, что царевна и ее подруги забеременели от пены взволнованного озера, которую попробовали, после чего родные и прогнали преступниц из дому. Долгое время девицы скитались в пустыне с своею царевной, но наконец восстали на нее, как на виновницу несчастья, и прогнали за Чу. Здесь бедную ханскую дочь нашел

один из родоначальников всех киргизов и взял себе в жены, вскоре после чего она и родила сына Кыргыз-бая. Эта последняя личность играет роль настоящего родоначальника дикокаменных. Он много терпел сначала от своих братьев, которые упрекали его неизвестным происхождением, обделен был ими по смерти отца, но наконец явился торжествующим, когда удалось ему украсть из юрты матери колотушку для кумыса и узду – символы первенства. С Кыргыз-бая предание становится более определительным и перестает быть чистым вымыслом. Во всяком случае, и самые собственные имена кара-киргизских праотцев все же сомнительны.

У Кыргыз-бая были два внука: Абл и Ковл. Последний дал начала родам кокче, сору, мундус и кытай, которые в совокупности называются сол, что означает «левый» (*Bourouttes occidentaux* Клапрота). От Абла же произошли десять родов, образующих отделение он (правое, *V. orientaux*), именно богу, сары-багыш, султы, черик, саяк, адыгинэ, багыш, монандыр, джадыгыр и тунгатар. Все эти мелкие поколения, настоящие кочевые горцы, живут в стране между Бадакшаном и Кунгей-Алатау, от Текеса и Музарта до Кокана и Самарканда. Математический центр Азии, таким образом, приходится в занятых ими землях. Наиболее известны нам дикокаменные сары-багышы, султы и богинцы. Из них первые в настоящее время кочуют на верховьях Чу и у западного конца Иссык-Куля. Численность рода простирается свыше 10 000 юрт, т. е. не менее 40 000 душ. Это довольно воин-

ственный род, и между старшинами его теперь особенно известны Умбет-Али, Тюрегильды, Рускул-бек, Адиль и Джантай. На восток от сары-багышей, по Тубу, Каркаре и Текесу, кочуют богу, которых умерший манап Бурамбай [портрет его в I книжке «Записок»] был из первых кара-киргизов, принявших подданство России. Теперь у богинцев нет особенно влиятельных старшин, и род их, раздробленный на множество отделений, много утратил своего значения, особенно от вражды с сары-багышами. Оставаясь все еще в числе 10 000 кибиток, он далеко не имеет тех богатств, которыми владел при Бурамбае, когда одних лошадей считалось у богу до 100 000 штук. После этих двух родов ближайший к нам есть султы – небольшое племя, до 6000 юрт, но самое воинственное из всей Дикокаменной орды. Султы населяют горы Киргизнын-Алатау от Токмака до Аулье-Ата, перемешивая на востоке свои кочевки с сары-багишскими. Между ними замечательнейший старшина есть Джанкарач. На юг султы распространяются только в долину Таласа; далее же их сменяют другие роды правой и левой половины орды (он и сол).

Бурамбай, верховный манап рода бугу (умерший в 1858 г.)

Саяки кочуют на южной стороне Небесных гор, по верховьям Нарына; восточнее их, до Аксу и далее к Куче, обитают черики. Роды эти, вместе с соседними им багышами, спускаются зимою с отклонов Тянь-Шаня в долину Тарима и распространяются тогда до Кашгара, Яркента и даже Хотана.

Географическое положение других разделений орды трудно определить, но, во всяком случае, известно, что они занимают всю систему Болора, Бадакшан, Каратиген, Вохан, окрестности Уша, Андиджана, Кокана и даже Ташкента и Самарканда. Мы знаем теперь, что влияние их в Коканском ханстве очень значительно и что именно из рода адыгинэ происходит первый министр хана Алим-бек, а из Каратигена родом Канаат-ши, известный предводитель коканского войска, приходившего в 1860 г. под Кастек.

Вообще, политическое положение дикокаменных киргизов очень разнообразно. Одни из них, как богинцы и часть сарыбагышей, состоят в нашем подданстве, но вовсе нами не управляются и только прибегают к нам изредка для разрешения ссор. Другие, как султы, адыгинэ, кытай и прочие роды отделения сол, принадлежат Кокану и платят ему дань. Третьи, каковы черики и багыши, уплачивают поземельную плату китайцам, хотя и управляются от них независимо. Наконец, крайние к югу обитатели гор Болорских, Каратигена и Бадакшана отчасти независимы, отчасти состоят под влиянием Бухары, Кундуза или Кокана, с которыми, впрочем, часто враждуют. Об этих обитателях высшего погорья Азии мы не имеем никаких почти сведений. Александр Борнс в своем «Путешествии в Бухару» говорит лишь мимоходом, что киргизы – уроженцы Памира, которых встречал он, имеют плоское лицо и сходны с туркменами. В другом месте он же упоминает, что они питаются только мясом и молоком;

мука же им совсем неизвестна. Если когда-нибудь она и попадает им, то они делают из нее похлебку, но не пекут хлеба. Живут в круглых хиргасах (юртах). Но о нравственном состоянии этих горцев ни у Борнса, или у Вуда мы ничего не находим.

Между дикокаменными, соседними России, нет аристократических родов, подобных султанским в кайсацких ордах. Оттого народ составляет совершенно однородную массу, пеструю только благодаря раздельности на части. Кара-киргизы управляются манапами, т. е. старшинами, которые некогда принимали свой титул по избранию, а теперь сделали его наследственным. Слово «манап» буквально значит «тиран» в смысле, близком к древнегреческому. Это было первоначально собственное имя одного старшины, отличавшегося жестоким непреклонным нравом, и от него перешло ко всем правителям. Кроме манапов, у которых, как сказано, нет аристократических предков, народ имеет еще для разбирательства своих дел биев, как и в других ордах. Эти бии судят и творят расправу по обычаям, – как? об этом почти нечего и спрашивать в Азии. Правда здесь благосклонна к сильному, и даже тот правитель считается человеком ничтожным, который употребляет мягкие меры. Мы имеем пример одного манапа из рода сары-багыш, Урмана, который считался особенно благоразумным и даже великодушным именно потому, что имел у себя виселицу и ежегодно казнил на ней несколько преступников, уличенных в воров-

стве, растлении девственниц, убийстве и проч.

То обстоятельство, что манапы суть люди простого происхождения, а не султанской белой кости, служит причиною самого названия кара-киргиз, т. е. черных киргиз. Должно заметить, что хотя устройство народа демократическое, его старейшины пользуются все-таки большою властью, часто неограниченною. Особенно бывает это, когда манап в то же время и батырь, т. е. удалец, хороший предводитель на поисках и в военных стычках. Бурамбай, правитель богинцев, был именно образчик такого родоначальника. Вообще, манапы не пользуются от простолюдинов никакими правильными доходами, но получают добровольные приношения и берут штрафы с виновных в преступлениях. Нет нужды говорить, сколько тяжких злоупотреблений ведет за собой такое устройство: корыстному бию или манапу открыта широкая дорога для себялюбивой деятельности.

IX. Быт кара-киргизов

Основанием богатства кара-киргизов служит так же скотоводство, как и у жителей соседних степей; но дикокаменные беднее киргизов Большой и Средней орды. Очень немногие из них имеют до 200 лошадей или 3 т. баранов. Верблюдов также держат гораздо меньше, а взамен их имеют хорошую породу быков, которые способны для езды в горах. Верблюды есть двугорбые и одногорбые, или дромадеры, как везде, предпочитаемые первым. Коровы у дикокаменных хотя большие, но молока дают мало, и то лишь во время кормления телят. Взамен того держатся яки, называемые у кара-киргиз кудосами, которые превосходят по количеству молока обыкновенный рогатый скот. Овцы киргизской породы с курдюками, но с более нежною шерстью, чем в наших степях. Лошади небольшие, но очень годные для езды в горах. Эпидемических болезней на скот не бывает, кроме сарпа, который оканчивается обыкновенно отпадением копыт. Еще недавно самое богатое скотоводство было у богинцев, теперь же они занимают в этом отношении одно место с сары-багышами, хотя все еще богаче остальных родов.

Хлебопашество составляет общее занятие дикокаменных киргизов. Хотя почва большею частию не чернозем, а глина, страшно высыхающая от жаров, но при искусственном орошении полей она приносит хорошие урожаи, напр. сам-70

просо и сам-15 пшеница. Лучшие и многочисленнейшие пашни лежат на восточном конце Иссык-Куля, по Тубу и Джиргалану, по Зауке, потом, у Пишпека и Токмака; на северном же и южном берегах Иссык-Куля, по каменистости почвы, их почти нет. Сеют кара-киргизы преимущественно просо, пшеницу, ячмень (для лошадей) и купак (мелкое просо), из которого делают бузу, чтоб гнать из нее водку.

Звероловство не составляет промысла, хотя горы богаты дичью. Охотятся на диких баранов, серн и коз лишь для забавы. Только маралов (олений) бьют для их рогов, которые, если наполнены кровью, высоко ценятся китайцами как лекарство, и продаются от 50 до 150 р. с., смотря по достоинству. Известный манап Урман занимался этого рода охотой как промыслом, держал для нее нескольких искусных стрелков и был обязан ей частью своего богатства. Помощью беркутов ловят дикокаменные лисиц и куниц, которых меха сбываются татарским торговцам, впрочем, в ничтожном числе. Иногда бьют медведей или волков, но шкур их не умеют хорошо выделывать, хотя богатые кара-киргизы и стелют их в юртах на землю.

Рыбы дикокаменные не любят, и потому ловят ее очень мало. Это довольно странно, ибо один Иссык-Куль мог бы доставить им порядочный запас этого рода пищи. Особенно многочисленны в нем сазаны (хрящескелетных рыб нет). Снастей никаких кара-киргизы не знают, и если кто вздумает позабавиться рыбною ловлею, то отправляется в устье

какой-нибудь речки и бьет проплывающих рыб саблею или пикою, подобно тому, как на суше змей. Этого рода забаве не раз предавались и русские, бывшие в 1860 г. на оз. Иссык-Куле. Изредка можно заметить у дикокаменных ловлю чием, т. е. тростниковую сеткою, которая ставится по окружности юрты под войлоком.

Главное рукоделье кара-киргизов и есть приготовление войлоков, отличающихся у них большою прочностью. Особенно известны этого рода изделиями дикокаменные, кочующие по Таласу. Они валяют не только простые кошмы, т. е. четырехугольные войлоки, но и шапки, даже целые бурки. Кара-киргизские шапки известны и ценятся во всех ордах и форму имеют вроде не очень острого конуса с отогнутыми сверху полями. Женщины ткут грубую материю из верблюжьей шерсти, называемую у нас армячиной. Одежда дикокаменных состоит из халата и широких панталон, или чембаров. Иногда носят рубашки; но они не составляют белья, а как скоро надеты, остаются на плечах впредь до разрушения. Сапоги имеют на манер ташкентских, с высокими каблуками и коротким следом.

Никаких произведений своих дикокаменные, кроме соседних с городами, не вывозят из своих аулов для торговли сами. Даже лошадей не выгоняют они ни в Кокан, ни в Кашгар, ни в Кульджу. Вся торговля в их стране производится караванами ташкентских, коканских, кашгарских и отчасти русских купцов. Они привозят в аулы кара-киргизов все, что

нужно для киргизского быта, и остаются в аулах иногда целый год. Из Кашгара дикокаменным доставляют разные бумажные материи, халаты, бязи, выбойки, сушеные ягоды и проч.; особенно идут бязи и бумажная армячина желтого, черного и коричневого цветов. Все эти товары с большою выгодой для купцов вымениваются на баранов. 15 аршин дабы меняется на барана, а холст бумажной армячины на 4–5 баранов, смотря по доброте. Русские товары доставляются сюда татарами, которые привозят то, чего не могли сбыть внутри наших владений по низким свойствам товара. Так продают самые простые ситцы, верверет, нанки, коленкор, миткаль, кожи и разные железные вещи, а также маленькие простые зеркальца, серьги, кольца и другие безделки. В особенности здесь ценны железные вещи и юфть. В обмен на них берут быков, баранов, меха лисьи и куньи. Скот пригоняется в Петропавловск. Барыши торговцев очень велики; так, один аршин красного сукна, ценою в рубль, сбывается ими за три барана; аршин 10 миткалю, саржи или нанки, ценою в 7 к. арш., идет за барана. Юфтовая кожа стоит 7–8 баранов, а чугунные и железные вещи продаются по произвольно высоким ценам. Кроме того, в кочевья кара-киргизов ежегодно приезжают, под предлогом обозрения границ, кульджинские китайцы и снабжают орду чаем, рисом, табаком и даже шелковыми материями – за умеренные цены, и также на баранов. Из Кокана и Ташкента привозят сюда в самом ограниченном количестве пестрые шелковые материи, которые идут лишь

для потребностей самых зажиточных манаров, на одежду их жен.

Выше было упомянуто, что те из кара-киргизов, которые подвластны Кокану, обложены данью, собираемой ежегодно. Налог этот называется зякетом и состоит из следующих статей: тюнлюк-зякета – подымного сбора, с каждой юрты по одному барану; кой-зякета – налога на баранов, по одному из пятидесяти, а иногда из сорока и даже двадцати, смотря по обстоятельствам; харареля – сбора с земледельческих произведений, от каждого гумна по три барана. Кроме этих налогов, дикокаменные платят еще на содержание войск и дают средства продовольствовать их при временных сборах, когда с каждой юрты берется по три барана. Мы имеем сведение, что султы и часть сарыбагышей представляют ежегодно на прокормление коканских войск в соседней стране до 5 тыс. пудов пшеницы и проса, и, кроме того, им приходится еще кормить зякетчей, которые всегда ходят большими партиями. Без сомнения, тяжесть этих налогов только потому не производит постоянных волнений, что коканцы единовѣрны кара-киргизам. Там, где дикокаменные платят дань Китаю, они совсем в других отношениях к господствующему народу, часто враждуют с ним и угоняют скот как у самих китайцев, так и у калмыков. Но зато здесь им приходится дорого платить за подобные подвиги: каждый кара-киргиз, пойманный в этом хищничестве, подвергается смертной казни.

Вообще, к баранте, т. е. к отгону скота, дикокаменные

склонны больше, чем все другие киргизы, и она у них чужда того, отчасти рыцарского характера, который имеет у наших ордынцев. Баранта кара-киргиз есть просто военное действие с целью пограбить соседа, вовсе не щадя не только его собственности, но и его самого. Особенно кровопролитны бывают набеги сарыбагышей на аулы богинцев, к которым они питают непримиримую ненависть. Впрочем, храбрость кочевых горцев ограничивает свое проявление большею частью только отгоном скота и преследованием бегущего неприятеля; когда же дело доходит до настоящей стычки, то киргиз, проскакав с полверсты на противника, умеет вовремя попридержать коня и повернуть назад, не проливая напрасно крови. По отношению к нашим киргизам Большой орды, дикокаменные ведут себя как настоящие воры: они пробираются малыми шайками через горы и крадут скот небольшими частями. Киргизские батыри тогда охотятся за ними. Я знаю одного из них, Суранчи, который каждую ночь летом высылает часть своих джигитов в горы ловить дикокаменных, возвращающихся с добычи. Он их заковывает в цепи и потом отдает родовичам за выкуп. Однажды ему вздумалось подарить одного такого пленного мне. Несчастный приведен был со связанными руками и цепью на шее, и, по просьбе моей, должен был получить свободу с пояснением, что русским рабов не нужно и что мы желаем, чтобы все жили на воле и дружно. «Кулдук (благодари), собака!» – сказал при этом Суранчи, видя, что дикокаменный молчит, и

ударил его по голове ногойкою... Такие отношения не мешают, впрочем, нашим киргизам очень часто родниться с дикокаменными, и я, даже в такое время, когда последние явно враждовали с нами, видел наших киргизов, которые ездили к ним в аулы видеться с невестами, сестрами и проч.

Духовное развитие бурутов так же низко, как вещественное благосостояние. По справедливости, их можно б назвать детьми природы в самом печальном смысле этого слова. Вся масса их понятий и нравственных убеждений составляется из грубых поверий и предрассудков. Средств для перехода к лучшему состоянию почти нет. До прихода русских на Иссык-Куль, в орде источниками мудрости были бродячие ташкентцы, которые изредка обучали детей грамоте, но так, что они в состоянии лишь были читать 1 главу Корана, плохо понимая ее. Со времени появления наших татар, число грамотных стало несколько возрастать, и даже потребность образования настолько развилась, что некоторые дикокаменные, не имея возможности найти у себя в орде учителей, отсылали своих детей в Большую орду, к своим друзьям, у которых в аулах почти всегда находятся грамотные татары, занимающиеся обучением. Но, впрочем, и теперь едва ли на тысячу человек кара-киргиз есть один грамотный; многие манапы, даже большая часть их, не умеют ни писать, ни читать. Я был свидетелем забавного удивления одного из них, когда ему показали документ за его тамгою, в котором он признавался в баранте: прикладывая печать к этому клочку бумажки, он

не думал, что враг подсовывал ему донос на себя.

По вероисповеданию, дикокаменные принадлежат к исламу; но магометанство их весьма поверхностно, особенно у родов, соседних с Китаем. Есть кара-киргизы, не знакомые даже с именем своего пророка, не только с девяносто девятью именами Аллы. Только немногие знают обряды омовения, посты, даже самый намаз. Пьянство, преследуемое Кораном, у дикокаменных вовсе не считается грехом, и какой-нибудь Менде, почтенный шестидесятилетний манап, выпив в день четверть ведра водки, еще хвалится под вечер, что он проскачет сколько угодно, не свалившись с лошади. Во многих других случаях они поступают прямо против закона, не опасаясь за греховную жизнь наказаний в будущем, по той простой причине, что ученье веры вовсе им незнакомо. Но всего любопытнее, что у народа этого сохранились хотя слабые следы шаманства. По словам г. Бардашева, женщины и иногда даже мужчины поклоняются огню, поливая его салом и совершая это поклонение перед девятью светильниками в ночь с четверга на пятницу (джуму). При церемонии поклонения, если есть грамотные, читают молитвы. Кара-киргизы чтут и некоторые памятники народов, обитавших прежде на их земле. Так, около Токмака есть высокий столб из сырца, который уважается у них потому, что в нем, по преданию, умерла какая-то ханская дочь, которую отец засадил в этот столб, чтоб спасти от фаланг и других насекомых. Памятники собственной старины ценятся еще выше. В

долине Большого Кебина есть, напр., каменное укрепление около могилы одного знатного старика, Ниязбеков курган. Отряду 1860 года надобно было просить особого позволения ночевать в этом кургане и притом с условием ничего в нем не трогать, ничего не ломать. Могилы предков вообще очень почитаются и делаются наподобие часовен с каменными стенами. Украсть скелет или какую принадлежность мертвого считается преступлением.

На поминках по умершем, особенно человеку богатом, обыкновенно устраиваются игры, как у прочих киргизов. Эти игры составляют байгу. Известно, что главнейшая часть всякой байги есть скачка. Как дикокаменные беднее прочих киргизов, то призы у них никогда не бывают так богаты, как напр. в Средней и даже Большой орде. Там они, как известно, достигают иногда до девяти девятков скота (верблюдов, лошадей и пр.), даже с придачею пленных людей. Буруты, хотя тоже ставят на приз пленников и пленниц, но скота жалеют в большом числе. Другим любимым удовольствием на байге служит борьба, потом, доставанье ртом монет со дна полного простоквашею сосуда. Последняя забава особенно им нравится. Смех, шум, говор распространяются во всей толпе зрителей, между тем как любитель доставать зубами деньги ищет их в жидкости, не смея помочь делу руками. Иногда подобная забава кончается тем, что кровь потечет у искателя изо рта и ноздрей, тогда его сменяют другие.

В 1860 году при нашем отряде находился сары-багышский

поэт или, точнее, рапсод. Каждый вечер собирал он около себя толпу слушателей, которые удивлялись его рассказам и песням, разиня рты. Воображение его, неутомимое в исчислении подвигов своего героя, какого-то ханского пасынка или приемыша, принимало иногда самый смелый полет в область чудесного. При этом большая часть поэмы импровизировалась, и только содержание ее взято было из народных преданий. Удивительно верная интонация, которую можно было ценить даже не понимавшему слов поэмы, умение вовремя употребить скороговорку, речитатив или протяжное, унылое пение составляли неотъемлемое достоинство рапсода, который, впрочем, считался одним из лучших. Когда на Кутемалдах сделана была для киргизов пирушка, то поэт их потом громко прославлял хозяина праздника... впрочем, может быть, отчасти для того, чтоб получить четвертак. Его выражения несколько напоминали Гафиза, и киргизы были столько же в восторге от его песни, как и от съеденного пилава.